

3. Шпильная, Н. Н. Диалогическая лингвистика в России: история становления и современное состояние / Н. Н. Шпильная // Культура и текст – 2021. – № 1. – С. 159-173.

*У. В. Плешивцева,
Россия, г. Барнаул
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: к.филол.н., Тюкаева Н.И.*

**ФИГУРИРОВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СЛОВ «ИХНИЙ»,
«ЕЙНЫЙ», «ЕВОНЬИ». СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ СЛОВО И ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА**

Аннотация

В работе поднимаются вопросы потенциальных возможностей системного описания возникающих языковых явлений на примере слов «ихний», «ейный», «евоньий». Объясняются причины появления лексем, не вписанных в нормативный аспект литературного языка, но вошедших в пласт разговорного стиля. Предпринята попытка системного описания явлений так называемых потенциальных слов, их нормативность с позиций системного, функционального описания. Апробирован метод системно-функционального описания языковых явлений, что составляет актуальность и новизну настоящего исследования.

Ключевые слова: дериват, литературная норма, потенциальное слово.

Литературный язык сложился на основе общепринятого традиционного проявления культуры письменной речи. Отхождения от этой сформированной традиции в нормативном аспекте признаются как ошибки. В настоящей статье мы квалифицируем такие единицы речи как проявление потенциальных возможностей языковой системы. Основной проблемой настоящего исследования является рассмотрение потенциальных слов, входящих в разговорный вариант литературного языка в качестве проявления его системности. Цель исследования – изучить механизм возникновения данных позиций и рассмотреть степень распространенности употребления потенциальных слов «ихний», «ейный»,

«евонный»), вопреки нормативному аспекту. Объектом исследования выступают потенциальные слова, а предметом – словоформы «ихний», «ейный», «евонный».

Система языка состоит из позиций, которые обладают собственной значимостью, проявляющейся в речевых произведениях. Значимость потенциальных элементов заключается в отражении системных свойств языка, а также в виде возможных вариантов развития этой системы. Впервые термин «значимость» был использован Фердинандом де Соссюром в работе «Курс общей лингвистики»: «Итак, значимость любого слова определяется всем тем, что с ним связано; даже у слова со значением «солнце» вряд ли возможно установить непосредственно его значимость, если не принять в соображение все то, что связано с этим словом; есть языки, в которых немислимо, например, выражение «сидеть на солнце»». [6, 116] В языковой системе могут находиться лакуны, заполняющиеся при необходимости потенциальными словами. Вопрос о потенциальных словах как системном явлении поднимался ещё Г. О. Винокуром в работе «Маяковский – новатор языка»: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода «потенциальные слова», т. е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность.» [1 с. 15] Однако механизм возникновения данных явлений требует изучения.

Можно сделать вывод, что любое потенциальное проявление системы, согласно Соссюру и Винокуру, является явлением значимым. Но в нормативной лингвистике такие единицы квалифицируются как ошибки, которые стараются искоренить при обучении русскому языку, что вызывает дискуссию со стороны лингвистов.

К таким значимым явлениям относятся просторечные формы местоимений: ихний – их, ейный – её, евоный – его. Частота употребления этих лексем увеличивается. Это порождает гипотезу о том, что данные слова со временем смогут войти в язык сначала на уровне разговорного устойчивого варианта, а затем стать нормой литературного языка. Е. Р. Добрушина и Д. В. Сичинава рассматривают функционирование деривата «ихний» в восточнославянских

языках. Лингвисты отмечают, что данная словоформа в украинском и белорусском языке широко используется в разговорной речи, в художественной литературе и публицистике. В русском же языке использование этого слова является признаком «неграмотной» речи. Проблема употребления слов «ихний», «евоный» и «ейный» поднимались в научной литературе лишь в нормативном аспекте. На основе сформулированной проблемы мы можем задаться вопросом о том, как система языка влияет на возникновение потенциальных слов?

Потенциальные слова, входящие в разговорную практику, являются проявлением системы, демонстрацией её возможностей и лакун. Такие элементы пока не вошли в литературную норму, но со временем могут стать её частью. Появление речевых фактов и вхождение в состав литературного языка в качестве нормы является демонстрацией процесса демократизации языка. К примеру, слово «кофе» теперь может употребляться как в мужском, так и в среднем роде. Новые правила отражены в четырех словарях, «содержащих нормы современного русского литературного языка — это «Орфографический словарь русского языка» Б. З. Букчиной, И. К. Сазоновой, Л. К. Чельцовой, «Грамматический словарь русского языка: Словоизменение» А. А. Зализняк, «Словарь ударений русского языка» И. Л. Резниченко и «Большой фразеологический словарь русского языка» В. Н. Телия». [8] Теперь то, что раньше считалось ошибкой, с точки зрения нормативной лингвистики, официально закреплено правилом. Такая ситуация демонстрирует два факта, во-первых, демократизацию языка, когда потенциальные явления, появляясь как следствие функционирования языковой системы, получают широкое распространение в массах и последующее закрепление в качестве нормы литературного языка, во-вторых, показывает изменение литературных норм в исторической перспективе.

На основе наблюдения за изменениями языковых норм, связанными с широким распространением потенциальных словоупотреблений и последующей кодификацией, можно предположить, что слова типа «ихний», «ейный» и «евоный» пройдут тот же путь, получив распространение и закрепление в качестве литературной нормы. Мы можем проследить динамику вхождения этих дериватов

в просторечный разговорный тип языка.

Для доказательства настоящей гипотезы были использованы следующие методы: статистический, сравнительно-исторический и системный методы анализа лексем.

Согласно статистическому методу, с 1830-х гг. употреблений формы «ихний» становится все больше, и первый пик использования «ихний» (ихний) на графиках частоты, создаваемых сервисом Национальный корпус русского языка, обнаруживается в 1850-е гг. Конечно, восприятие хронологических данных корпуса как совершенно точных было бы иллюзией, однако общую тенденцию к росту частотности в языке они отражают. По данным НКРЯ, частотность употребления формы «ихний» определяется в 495 документах и 699 вхождениях на 27.11.2020. Спустя 2,5 года на 28.04.2023 корпус насчитывает 529 текстов и 742 примера использования «ихний» Форма местоимения «ейный» обнаружена в 95 документах и 126 вхождениях на 27.11.2020, что соотносится с данными за 28.04.2023 как 106 текстов и 139 примеров. [7] Наблюдается рост, однако слабый. Эти формы в большей степени получают распространение в устной, в естественной письменной речи и лишь затем начинают проникать в деловую переписку. Поэтому, если проследить проявление потенциальных дериватов на протяжении истории языка, каждый из них прошел именно этот путь.

Последняя фиксация частотности употребления данных форм в деловых документах позволяет ввести эти слова в литературный язык и обратить на себя внимание лингвистов.

В. В. Колесов в своем учебнике «Историческая грамматика русского языка» пишет, что особенности форм местоимения зависят, в первую очередь, от того, что эти слова являются самыми древними в русском языке: «Их назначение было указывать на «вещь», а не выражать «идею». Различие же между ними заключалось в том, что местоимение заменяло имя». [4, с. 245] О функции местоимений он пишет следующее: «Местоимения — это самые древние слова. Большинство их восходит к неопределенным по смыслу формам, совместившим в себе множество значений; именно поэтому в отдельных славянских языках они

стали основой для образования других частей речи — имен прилагательных, имен числительных, наречий, союзов, предлогов, частиц». [4, с. 246] Именно поэтому от местоимений «их» Максим Максимыч в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» образует наречие «по-ихнему»: «Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу, и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю по-ихнему и перевел его ответ». [5, с. 5] В статье «Кочующая норма, или микродиахронические похождения слова ихний в русском, украинском и белорусском языках» о причинах возникновения данных форм местоимений говорится следующее: «Притяжательное местоимение 3-го лица в восточнославянских языках имеет более позднее происхождение, чем местоимения 1-го и 2-го лица, и поэтому заимствовано из парадигмы личных местоимений. В результате в этих языках не существует специальных форм притяжательных местоимений 3-го лица, хотя остальные лица имеют изменяемые по родам, падежам и числу отдельные формы (ср. русск. мой, наш и др.). Для обозначения принадлежности 3-го лица используются неизменяемые формы, происходящие из род. п.: русск. его, ее, их». [3, с. 42]

Однако В. В. Колесов подметил важный факт — именно от местоимений образовывались новые слова и части речи. Система языка сложилась таким образом, что в определенных формообразовательных парадигмах остались «пустоты», которые в разговорной речи начинают заполняться в ходе адъективной деривации, «предназначенной для устранения противоречия между синтаксическими и морфологическими свойствами притяжательных местоимений третьего лица и, следовательно, выравнивающий нормальное, системное положение вещей». [2, 525] Возможность возникновения дериватов «ихний», «евоный», «ейный» обусловлено процессами, которые изучает словообразование русского языка. Наиболее продуктивным словообразовательным типом образования притяжательного местоимения является следующий: основа местоимения + формант «-н(ый)/н(ий)», используемый в словообразовании для выражения свойства отношения к предмету по наличию какого-либо признака по аналогии со словами: дочерний, мужний и тд. В соответствии с этим можно

сделать следующий вывод: местоимение «их», «его», «её» являются притяжательными, поэтому они стремятся к моделям притяжательных прилагательных, поскольку обе части речи отвечают на вопросы: «Чья? Чей? Чьё? Чьи?». Дериваты «ихний», «евоный», «ейный» отвечают словообразовательному типу, описанному выше, и имеют лексико-грамматическое значение – выражение свойства отношения предмета по наличию какого-либо признака. Образование притяжательных местоимений, согласно словообразовательному типу, не является нарушением системы языка и, в соответствии с сохранением значений, выраженных формантом «-н(ый)», является системной нормой, вследствие чего получает распространение (пока только в разговорной речи).

В данном отношении хотелось бы осветить проблему формирования так называемой народной этимологии, к которой относится не только трактовка определенных словообразовательных структур, но и возможность образования новых дериватов. Эти два процесса следует различать в лингвистике. Второй процесс, как проявление народной этимологии, фиксирует проявление системы языка и является «локомотивом» для образования и вхождения новых дериватов в литературный язык. В русском языке работает данная схема, носители языка на интуитивном уровне переносят её на неизменяемую форму местоимений «его», «её», «их». В связи с этим мы наблюдаем появление форм «евоный», «ейный», «ихний» и тд., так как происходит присоединение форманта -н(ый) и трансформация звука [г] в звук [в] в речевом потоке: [jэго]-[jэво]. Народная этимология идёт вслед за системой языка, образуя новые формы. Эта же система способна изменять правила по истечении времени.

В настоящей статье мы доказали, что слова «ихний», «ейный», «евоный» являются системным явлением, так как мы наблюдаем проявление грамматических форм притяжательных прилагательных. Появление и широкое распространение дериватов «ихний», «евоный», «ейный» является адъективной деривацией, то есть проявлением системы русского языка, демонстрацией словообразовательного типа образования притяжательных местоимений третьего лица. Слова не противоречат системным свойствам русского языка, употребляются в просторечных

проявлениях, в литературной речи с целью стилистической окраски, и, вполне возможно, потенциально стремятся войти в нормативный литературный язык.

Использованная литература

1. Винокур, Г. О. Маяковский – новатор языка / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1943. – 136 с.

2. Волк, В. С. Синтаксис притяжательных местоимений и адъективная деривация // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Т. X. Ч. 2. СПб.: Наука, 2014. – С. 510—533.

3. Добрушина, Е.Р., Сичинава, Д.В. Кочующая норма, или микродиахронические похождения слова ихний в русском, украинском и белорусском языках. - М.: а Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2015. – С. – 41-54.

4. Колесов, В.В. Историческая грамматика русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / В. В. Колесов / Учебно-методический комплекс по курсу «Историческая грамматика русского языка». — СПб.: СПбГУ, 2010. — 512 с.

5. Лермонтов, М.Ю. Герой нашего времени. Эксклюзив: Русская классика. АСТ, М., 2015. – 76 с.

6. Курс общей лингвистики/Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. рея. М. Э. Рут.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.— 432 с.

7. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 27.11.2020 и 28.04.2023).

Новости “МК.RU”. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/social/article/2009/08/31/343231-kofe-stal-srednego-roda.html> (дата обращения 28.04.2023 и 28.04.2023).